ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Н. Н. Гасанов, К. Я. Зачесов, А. К. Казимов

Межнациональное согласие в Дагестане: проблемы и перспективы

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1993-3-Gasanov-Zachesov.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В ДАГЕСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.Н.Гасанов, К.Я.Зачесов, А.К.Казимов

Дагестан — уникальный по своему населению край. Здесь бок о бок живут представители 102 этносов, десятки которых являются, условно говоря, "коренными". При этом нет этнических групп, численность которых в несколько раз превышала бы численность других групп.Так, при общей численности населения Дагестана в 1 млн. 802 тыс. человек, аварцев насчитывается 496 тыс., даргинцев — 280 тыс., кумыков — 232 тыс., лезгин — 204 тыс человек и т.д. (1, 24.VII.1990). Само название республики переводится как "Страна гор". Таким образом, для самоименования взят не национальный, но "нейтральный" — географический — принцип. Однако население Дагестана отнюдь не представляет собой механическую сумму этнических групп. На наш взгляд, можно говорить об определенной историко-культурной общности населения Дагестана, к которой относятся не только коренные его элементы, но и представители всех других народов, постоянно проживающие на территории республики. Отметим, наконец, что значительные группы дагестанцев находятся за пределами края, прежде всего в соседних республиках — Азербайджане, Грузии, Калмыкии, Чечне, Ингушетии и др.

Из истории известно, что народы Дагестана никогда не воевали друг против друга. В течение веков здесь стихийно складывались гибкие механизмы саморегулирования межнациональных отношений, утверждались дух терпимости, гуманистические по своей сущности принципы и институты межнационального общения. Так, любой путник, попав в горный аул, не оставался без еды, крова, заботы. Причем на годекане* и не спрашивали у него, какой он национальности.Такой вопрос считался нравственно недопустимым. В горах Дагестана случайное знакомство могло перерасти в постоянную дружбу — куначество. Кунаками становились люди независимо от кровнородственных связей, этнической принадлежности. Разумеется, в наше время горские традиции гостеприимства, куначества претерпели изменения, но суть их осталась прежней: на первом месте — человек, а не его национальность. В общедагестанскую традицию вошло также представление о территориальной целостности и единстве Дагестана, его "самости".

Как отмечал Р.Г.Абдулатипов, "видеть в другом человеке — человека, в другом народе — народ, в другом государстве — государство со всеми атрибутами достоинства, индивидуальности и самобытности, любить и уважать других, тем самым умножая любовью уважение к себе — вот основа гуманистической культуры межнациональных отношений" (2). Настолько прочна эта основа в Дагестане? Сможет ли быть сохранено межнациональное согласие в республике?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проанализировать круг проблем, приобретающих национальную окраску, выявить те силы, которые заинтересованы (или, напротив, не заинтересованы) в гражданском мире и согласии.

О факторах обострения межнациональных отношений в Кавказском регионе написано немало. Тем не менее мы считаем необходимым выделить те факторы, которые имеют особую значимость для Дагестана. В их иерархии на первом месте стоят экономические проблемы.

Именно экономический диктат центра, экстенсивный характер развития народного хозяйства и ведомственность приводили к тому, что обострялась экологическая и социально-демографическая ситуация, а в результате возникали все новые противоречия — между центром и республикой, между отдельными этносами, а также между местным населением и приезжими.

Особенно сложные социально-политические и экономические последствия для Дагестана создала политика массового переселения населения из горных районов республики на равнину — в плодородную Прикаспийскую низменность. Это переселение началось в 20-е — 30-е годы, усилилось в 50-х — 60-х годах и стихийно, инерционно продолжается в настоящее время. Задуманное с благими намерениями, переселение имело, конечно, определенные позитивные стороны (например, было постро-

ГАСАНОВ Нариман Набиевич, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Дагестанского государственного педагогического института (г.Махачкала); ЗАЧЕСОВ Константин Яковлевич, кандидат философских наук, доцент ДГПИ; КАЗИМОВ Ансар Каяевич, кандидат философских наук, доцент ДГПИ.

* Место в ауле, куда собираются мужчины для традиционной беседы.

ено довольно много новых благоустроенных населенных пунктов). Но одновременно завязался сложный узел новых проблем, приобретавших этническое измерение.

Нельзя не согласиться с мнением проф. М.Абдуллаева о том, что "в Дагестанской АССР непродуманное переселение с гор несоразмерно большого числа населения аварской и частично даргинской народностей, неорганизованная миграция (более 300 тысяч человек), застройка зимних пастбищ горных районов осложнили положение в кумыкских районах" (3). Ныне республике предстоят огромные расходы по новому освоению и возрождению гор, которые не только кормили их жителей, но были землей их предков, этническим очагом.

"Силовая" миграция имела и межреспубликанский характер, в частности, экстенсивное развитие экономики стало одной из главных причин увеличения доли русских в населении республики. Если в 1926 г. эта доля составляла 12,5%, в 1939 г. — 14,7, то в 1959 г. — уже 20,1%. Вместе с исчерпанием возможностей экстенсивного развития процент русскоязычного населения стал уменьшаться: 1970 г. — 14,7% (210 тыс. человек); 1979 г. — 11,6 (189 тыс. человек); 1989 г. — 9,2% (165 тыс. человек) (1, 24.VII.1992).

Таким образом, тенденция к сокращению в Дагестане численности представителей русского этноса возникла не сегодня. Но в последние годы процессы их выезда из республики подхлестнули такие обстоятельства, как вооруженные конфликты у ее рубежей, общий рост межнациональной напряженности в регионе, преступность, наличие большого количества оружия у населения. Не могут не беспокоить русских и заявления некоторых экстремистских деятелей Дагестана о возможном выходе республики из Российской Федерации и о последующем преобразовании ее в исламское государство. Только в Кизлярском района за последние годы численность русскоязычного населения сократилась вдвое; в 22 населенных пунктах района не осталось ни одной русской семьи, хотя недавно они составляли костяк населения этих пунктов.

Отток русского населения из Дагестана означает не только ослабление его трудового и культурного потенциала, но потерю важного фактора социополитической стабильности. Можно ли остановить, замедлить этот исход? Очевидно, проблему следует рассматривать, объединяя усилия политиков–практиков и ученых регионов Российской Федерации.

Еще один клубок проблем породила волюнтаристская перекройка границ, которая проводилась под флагом "национально–государственного строительства", на основе принципа "национальной государственности", т.е. фактически "статусного" разделения этносов. Так, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. искусственно разделил ногайцев на три части, игнорируя их мнение и волю. Ныне ногайцы проживают в сопредельных землях (Дагестане, Чечне и Ставропольском крае). Общество "Бирлик" ногайского народа поставило своей задачей демократическими методами способствовать единению этого народа и созданию его национального образования в составе Российской Федерации. В Уставе Кумыкского народного движения (КНД) говорится, что в качестве своей основной цели КНД выдвигает создание государственного национального образования кумыкского народа (4).

Ряд представителей лезгинского движения "Садвал" конечной целью этого движения видит основание суверенного "Лезгинстана", что предполагает, естественно, пересмотр границ между Дагестаном и Азербайджаном, а также внутриреспубликанских границ. В ноябре 1992 г. председатель "Садвала" М.Кахримов заявил: "У нас одно требование. Одно: дать древнему народу воссоединиться, сохраниться, жить вместе. Никакой республиканской автономии даром не нужно". На третьем съезде "Садвала" (сентябрь 1991 г.) звучали призывы к применению насильственных действий для достижения поставленных движением целей (перекрытие дорог, воды и т.п.).

Между тем сегодняшний югославский опыт показывает, к каким трагическим последствиям для всех народов приводят попытки решать проблемы национального развития путем образования мононациональных государств, с помощью насилия, односторонней перекройки границ.

Что касается предложений о федерализации Дагестана, которые выдвигают некоторые лидеры национальных движений, то, на наш взгляд, республика сегодня не готова к реализации такой модели ни политически, ни экономически, ни социально–психологически. Попытки ее реализации приведут к негативным последствиям не только для самого Дагестана, но и для Северного Кавказа, Российской Федерации в целом. Начнется все более и более неуправляемый, непредсказуемый процесс раздробления Дагестана по этническому признаку. Трудно даже представить, сколько может возникнуть "Станов", а вслед за этим — массовых вынужденных перемещений людей в самой республике. Мы столкнемся с проблемами собственных беженцев, с бесконечными конфликтами из–за земли и других ресурсов. Будут окончательно подорваны нормальные экономические связи в регионе, и без того сегодня крайне ослабленные. Нарушится то хрупкое согласие, которое достигнуто между политическими силами в республике. Многосоставность ее общества из фактора мира и равновесия превратится в фактор дестабилизации.

Вполне понятно, что подавляющее большинство граждан Дагестана отвергает вариант его федерализации как тупиковый, опасный. В мае—июне 1992 г. нами был проведен социологический опрос, посвященный проблеме единства Дагестана. Всего было опрошено 300 человек — преподавателей и студентов, служащих, рабочих Махачкалы, а также колхозников, учителей и школьников старших классов селения Муслах (Рутульский район). Национальный состав респондентов смешанный — лезгины, даргинцы, русские, лакцы, цахурцы и т.д. Все они поддержали идею общедагестанского согласия во имя сохранения единства республики. При этом реальной считают эту идею 85%, нереальной — 1,4% (т.е. всего один человек), 10% затруднились с ответом.

На вопрос о том, что должно быть в основе общедагестанского согласия, подавляющее большинство опрошенных (85,4%) назвали интернациональное единство его народов. Интересно, что среди лезгинского населения соответствующий показатель составил 78%, среди даргинского — 95%, а среди цахурского еще выше — около 98%. За разделение Дагестана на автономные образования не высказался практически никто. За разделение Дагестана по этническому признаку, но при условии сохранения его государственной целостности и единства, высказались 8%, за создание в Дагестане исламской республики — 6%. Существенной разницы во мнениях на этот счет между респондентами разных национальностей, горожанами и сельскими жителями не зафиксировано.

Отвечая на вопрос о том, на базе какой социальной политики возможно реально обеспечить единство Дагестана и объединение всех его жителей, подавляющее большинство опрошенных (70%) назвали приоритет прав человека независимо от национальности (на селе — 100%). Несколько ниже данный показатель был среди лезгин (63%). За приоритет права наций на самоопределение вплоть от отделения высказались 20%; признали приоритетными в этом отношении ценности религиозные — 10%. На селе последний показатель составил 36%, а предпоследний — 0%. Среди лезгинского населения отдали предпочтение праву наций на самоопределение 21%; правам человека независимо от национальности — 63%.

Возвращаясь к вопросу о модели государственного устройства, которая помогла бы гармонизировать межнациональные отношения в Дагестане, вновь подчеркнем, что, на наш взгляд, ее выработка и тем более осуществление предполагают известный уровень экономической и социально-политической стабилизации как в самой республике, как и в Российской Федерации в целом. Например, перспективен вариант создания в республике округов, объединяющих несколько районов, но — по территориальному, а не по национальному признаку. Такой вариант представляется оптимальным для внутриреспубликанских экономических связей. Он позволит повысить уровень управления, ибо в кадровой политике главное внимание будет уделяться не "коренизации" администраторов, а их профессиональной компетентности и моральным качествам. Что же касается специфических национальных запросов представителей всех многочисленных этносов Дагестана, то они могут быть удовлетворены путем создания механизмов и институтов национально-персональной (экстерриториальной) культурной автономии — ассоциаций, обществ, землячеств и т.д. Территориальный же принцип государственной организации позволит властным структурам держать под строгим контролем вопросы соблюдения прав и свобод человека, независимо от того, принадлежит ли он к национальному большинству или меньшинству, к "титульной" или "нетитульной" этнической группе.

Было бы нелепо отрицать наличие в дагестанском обществе сил, которым выгодно обострение межнациональных отношений. Костяк таких сил составляют "интернациональная" мафия, этнические кланы, дельцы теневой экономики, материально заинтересованные в сохранении нестабильности в стране, благодаря чему они получают огромные барыши, в том числе все больше и больше — от торговли оружием. К этим же силам тянутся неспособные, "серые" руководители, теряющие в новых условиях свои посты, но сохраняющие старые связи, свою этническую клиентелу. Наконец, на волне воинствующего национализма, сепаратизма рассчитывают реализовать свои жизненные планы некоторые амбициозно настроенные деятели культуры.

Необходимо подчеркнуть, что в Дагестане, где только еще формируется новая республиканская политическая элита, на долю интеллигенции падает особая, огромная ответственность в деле поддержания гражданского и национального мира. Она призвана быть носительницей высших духовных ценностей, гуманистических принципов, привить их гражданам страны. Приходится констатировать, что с этой задачей, по большому счету, интеллигенция пока не справляется или справляется плохо. Но это не вина ее, а беда. Во времена тоталитаризма именно на старую национальную интеллигенцию прежде всего обрушились репрессии, она практически была выбита. Советская вузовская система готовила узких специалистов, исходя из идеологических соображений. Фактически же дорогу человеку открывали не его деловые, профессиональные и нравственные качества, а принадлежность к определенной национальности, вер-

ность клану (внешне представлявшиеся как "преданность делу партии"). Отсюда — столь часто встречающиеся и сегодня деятели, которые умеют улыбаться, обещать, но свои обещания не выполняют, да и не знают, каким образом решать новые проблемы.

Немаловажное значение для межнациональных отношений в Дагестане традиционно имеет религиозный фактор. Он может быть использован как для межнациональной консолидации, так и в деструктивных целях. Все зависит от конкретного содержания политических лозунгов, облекаемых в религиозную форму, от практической деятельности представителей конфессий. Ислам сейчас — существенный фактор политической стабильности в Дагестане. Но среди мусульманского духовенства республики нет единства. Распалось на две части Духовное управление мусульман Дагестана, что не может не влиять на общую атмосферу межнациональных отношений. Правда, в последнее время налаживаются контакты между управлениями в целях преодоления раскола. Конечно, ислам — отнюдь не единственный фактор, сближающий дагестанские народы, и даже, видимо, не решающий. По нашим социологическим данным, лишь около 40% респондентов в 1991 г. назвали ислам в качестве фактора, укрепляющего дружбу дагестанцев.

Все большую роль в политической жизни Дагестана играют национальные организации и движения, появившиеся в годы перестройки. В Министерстве юстиции республики к концу 1992 г. зарегистрировано более двадцати таких объединений. Среди них: Народный фронт Дагестана имени имама Шамиля; Аварское народное общество "Джамаат"; Общество "Табасаран"; Даргинское культурно-просветительное общество "Цадеш" ("Единство"); Общество содействия духовному и нравственному возрождению лакского народа "Нурданул Чиракъ"; Культурно-историческое общество "Цахуры"; Лезгинский культурный центр "Шарвили"; Рутульский культурный центр "Аяз"; Дагестанский еврейский культурный центр имени Шимона бен Касиба; Кумыкское народное движение "Тенглик" ("Равенство"); Общественное движение "Азери"; Народное движение Дагестана "Интернационализм и стабильность"; Общественно-политическое интердвижение "Единый Дагестан"; Лакское народное движение; Дагестанская ассоциация по связям с соотечественниками за рубежом "Ватан", и др.

Нужно заметить, что кроме собственно дагестанских организаций на территории республики функционируют и межреспубликанские движения, в том числе уже упоминавшиеся "Бирлик" и "Садвал".

Все без исключения национальные движения в Дагестане возникли как сугубо просветительные, культурные. Но довольно быстро началась их политизация, причем в ряде случаев проявились радикалистские, экстремистские тенденции. Вот как оценивается ситуация в резолюции Съезда народов Дагестана, состоявшегося в конце 1992 г.: "Заметное влияние на общественно-политическую обстановку в республике оказывают возникшие в последние годы межнациональные движения и другие общественные объединения. Хотя в целом они играют определенную роль в повышении политической активности населения, своими выступлениями побуждают органы государственной власти и управления критически оценивать свои действия, нельзя умалчивать и о том, что неконструктивные, противозаконные действия, инспирируемые лидерами некоторых движений, не раз ставили под серьезную угрозу мир и спокойствие в Дагестане" (1, 18.XI.1992).

Как подчеркивается в резолюции, следует твердо исходить из того, что республика входит в состав Российской Федерации. Вместе с Россией и в составе России на основе Федеративного договора — таков курс, которым следует Дагестан. Съезд отверг проповедуемую некоторыми представителями национальных движений идею создания в Дагестане отдельных государственных образований по национально-этническому признаку.

По данным авторов, наибольшей популярностью у граждан республики пользуется "Единый Дагестан". Это движение преследует следующие основные цели: сохранение территориальной целостности и интернационального единства Дагестана в составе России; реальное и полное обеспечение приоритета жизни, свободы, прав и достоинства Человека; гарантии равных стартовых условий и социальная защита всех граждан Дагестана при переходе к рыночной экономике; создание на территории республики современного гражданского общества, основанного на принципах гуманизма и демократии; свободное и добровольное развитие языков, культур и прогрессивных традиций всех народов Дагестана.

Если говорить о принципах деятельности "Единого Дагестана", то ими являются: гуманизм, свобода, гласность, демократия, социальная справедливость, общественный характер управления, территориальный подход к административному делению в пределах Дагестана.

Насколько эти принципы отражают общественные настроения и ожидания? В частности, готовы ли люди сегодня перестать различать друг друга прежде всего по национальному признаку, по языку?

Согласно полученным нами данным (опрашивался в 1990 г. контингент студентов ДГПИ в составе свыше 300 человек, а также рабочие, служащие, домохозяйки, молодежь), свыше 57% респондентов считали,

что консолидация граждан Дагестана возможна преимущественно на основе справедливой кадровой национальной политики, обеспечивающей представительство во властных структурах всех народов республики. Однако эта ориентация, как кажется, ослабевает. В конце 1991 г. 64% из того же контингента опрошенных отнесли к факторам, осложняющим межнациональные отношения в республике, практику назначения людей на руководящие посты, исходя не из их деловых и личных качеств, а из их официальной национальной принадлежности. На вопрос же о том, должны ли во властных структурах в обязательном порядке быть представлены все народы, населяющие Дагестан, респонденты в своей преобладающей массе (81%) ответили: "не обязательно" или "дело вообще не в национальности, а в деловых и личных качествах человека".

В этой связи нельзя, видимо, признать случайным и то обстоятельство, что свыше 11% опрошенных в 1991 г. категорически отказались вообще назвать свою национальность (ранее соответствующий показатель не превышал 2—3%), высказав ряд резких замечаний в адрес "функционирующей пятой графы" анкеты. Интересно и то, что более половины опрошенных студентов нашего института (тот же контингент, данные 1991 г.) высказались за то, чтобы национальная принадлежность каждого гражданина на территории Дагестана была объявлена, подобно вероисповеданию, его личным, никого более не касающимся делом. Характерно при этом, что интенсивность выражения данной ориентации стремительно возрастет по мере гражданского становления и взросления студентов: если на первом курсе такой точки зрения придерживаются лишь около 36% респондентов, то на выпускном соответствующий показатель превышает 68%.

В числе консолидирующих факторов, могущих способствовать сохранению интернационального единства Дагестана, опрошенные жители столицы республики назвали: общность чувства совместно прожитой истории (38%); существование общенациональных детских садов и школ (89%); общность религии (41%); наличие многонациональных семей (26%); функционирование клубов по интересам (72%).

На наш взгляд, тенденция (особенно в среде молодежи) к признанию приоритета деловых и личных, нравственных и человеческих качеств личности по сравнению с собственно национальным признаком весьма значима для практической политики.

Особого рассмотрения требуют проблемы, связанные с внешними влияниями на межнациональные отношения в Дагестане, который открыт миру, издавна является мостом между Европой и Азией. Подчеркнем лишь только то, что эти влияния оказываются ныне все более интенсивными и противоречивыми. Как ни в одной другой республике РФ, национальный мир зависит здесь от развития российских отношений с "ближним зарубежьем". Так, десятки тысяч дагестанцев (особенно лезгин) живут в Азейрбаджане, а десятки тысяч азербайджанцев — в Дагестане (в основном в районе Дербента). Понятно поэтому, сколь жизненно важным для нашей республики является установление тесных добрососедских отношений между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой.

Подведем итоги.

Подавляющее большинство дагестанцев поддерживают идею сохранения единства республики. При этом они выступают за то, чтобы такое единство обеспечивалось на основе сотрудничества существующих властных структур и партий, общественных организаций. Приоритетными ценностями с точки зрения абсолютного большинства должны стать права и свободы человека.

В сфере урегулирования межнациональных отношений поддержкой у населения пользуется политика, ориентированная на приоритет прав человека, независимо от национальности. В то же время в районах компактного проживания некоторых этносов, в частности лезгин, и возможно, кумыков, политика в рассматриваемой сфере не исключает и права наций на самоопределение, но не в плане мононационально-государственном, а в плане культурном.

Обращение к собственным корням, к опыту и заветам предков может и должно помочь всем нам сегодня сберечь коллективистские, интернационалистические идеалы, оживить их, как бы это ни оказалось трудно. Это относится, по крайней мере, к Дагестану и дагестанцам. Испокон веков важным регулятором общественно-политической стабильности, гарантом межнационального мира и согласия являлся у них институт старейшин. В этой связи представляется целесообразным создать при Верховном Совете Республики Дагестан Совет аксакалов (Совет старейшин) республики, наделив его определенными правами и полномочиями для решения внутренних проблем республики, особенно в сфере культуры, межнациональных отношений.

* * *

Дагестанцы приняли довольно активное участие во всероссийском референдуме в апреле 1993 г. К урнам явились 74% граждан, внесенных в списки избирателей. Однако результаты голосования весьма существенно отличаются от результатов, полученных в других регионах РФ. На первый вопрос — о доверии президенту — положительно ответили лишь 14% принявшие

ших участие в голосовании, на второй — о поддержке его политики — сказали "нет" более 84% проголосовавших. Предложение о перевыборах президента поддержали около 75%, а о перевыборах народных депутатов РФ — около 31% голосовавших (1, 30.IV.1993).

Чтобы правильно интерпретировать эти данные, необходимо понимать менталитет дагестанцев, знать экономические, политические и религиозные особенности республики. Представляется, что голосование на референдуме стало для массы дагестанцев прежде всего способом (а были ли другие?) обратить внимание на эти особенности, на острейшие проблемы республики и на ее саму, причем безотносительно к общероссийским политическим императивам. Подавляющее большинство граждан Дагестана понимает, разумеется, что возврата к старой, административно-командной системе быть не может, но в то же время не принимает методы и темпы осуществления российских реформ, а часто о них просто плохо осведомлено.

Всестороннее осмысление результатов референдума еще предстоит. Но уже сегодня очевидна необходимость регионализации реформ, придания им большей социальной направленности, более широкого информирования о них всех граждан. Дагестан должен быть объектом особенно пристального внимания российского руководства, чтобы не только не допустить повторения на его земле чеченского варианта, но и содействовать укреплению республики как стратегически важного для России региона, как одного из существенных гарантов политической стабильности на Кавказе, на юге России.

1. "Дагестанская правда".
2. *Абдулатипов Р.Г.* Природа и парадоксы национального "Я". М., 1991, с. 4.
3. *Абдулаев М.* Противоречия в сфере национальных отношений. — "Коммунист", 1990, № 17, с. 43.
4. Республика Дагестан: современные проблемы национальных отношений. Махачкала, 1992, с. 102, 197, 211—213.

Гонорар за статью авторы переводят в Дагестанский Детский Фонд.